

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-го**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ЛЕСНЫЕ ПАЛАЧИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий.

Ш25 Лесные палачи / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215087-6

1946 год. В одной из западных областей недавно освобожденной от фашистов Латвии орудует банда «лесных братьев» во главе с бывшим штурмбанфюрером СС. Головорезы как могут вредят советской власти: жгут села, убивают мирных жителей, сеют страх и панику. На борьбу с бандитами направляются опытные оперативники майор Клим Орлов и старший лейтенант Илья Журавлев. Их появление преступники тут же встречают очередной акцией — поджогом местного исполкома. Сыщики без промедления берут след поджигателей, не подозревая, что пожар — это всего лишь отвлекающий маневр. На самом деле банда замыслила куда более страшное злодеяние...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215087-6

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Цветет на пригорке яблонька,
Серебряными цветочками;
Цветут серебряные,
Одарит красными яблочками.

Латышская народная песня

ГЛАВА 1

Лето 1946 года. Западная Латвия.

Полуденный густой жар растекся по окрестностям хутора Талаевиеши жидким янтарем. Обширный луг, раскинувшийся сразу же за изгородью из березовых жердей, окружающей хозяйственные постройки, утопал в солнечном цвете желтых одуванчиков и низкорослой ромашки. Проходившая через луг проселочная дорога, заросшая пожухлой от жары муравой, терялась вдаль в желтой туманной дымке. Даже начинавшийся сразу за подворьем непроходимый лес с поникшими листьями и тот виднелся из сада как будто в оранжевом мареве. Ни малейшего дуновения ветерка, словно природа на время замерла, наслаждаясь нечаянным отдыхом. Тишина. Лишь слышен далекий голос одинокой кукушки да посвист иволги: «Фтиу-лиу, фтиу-лиу!» В горячем воздухе запах малины, яблочного вина, а еще слышен несмолкаемый звон кузнечиков и жужжание пчел.

Старый Мангулис возился на своей крошечной пасеке из пяти ульев. Его сутулая фигура в соломенной шляпе, в дешевой сорочке в полоску и в просторных, похожих на кальсоны штанах, поддерживаемых крестнакрест помочами через узкую спину, неторопливо перемещалась от одного улья к другому. Он неспешно

вынимал рамку с сотами, близко подносил к морщинистому, смуглому от загара лицу, жмуря на солнце светлые, умудренные жизнью глаза, любовался ячейками с медом. Привычной для таких дел сетки опытный пчеловод не признавал, справедливо считая, что пчелы жалят только плохих людей. И переубедить его в обратном было невозможно.

— Мелкая тварь, а сколько от нее пользы, — добродушно бормотал он, с несказанным удовольствием наблюдая за тем, как деловито сновали пчелы-труженицы по сотам, заполняя ячейки принесенной с луга добычей. — А уж сколько радости она доставляет человеку, тут и не скажешь.

Мангулис осторожно вернул рамку на место, направился к следующему улью, находившемуся в десятке шагов возле старой раскидистой яблони, отягощенной мелкими, еще зелеными плодами, с наслаждением чувствуя подошвами босых ног исцеляющую силу земли, поросшей душистым разнотравьем. Ему оставалось проверить последний улей, как до его оттопыренных ушей донесся далекий волнующий колокольный звон. Мангулис привычно повернулся на звук, снял шляпу и с достоинством перекрестился слева направо, как подобает истинному лютеранину.

— Боже мой, благодарю Тебя за свет нового дня, — прошептал он дрожащими от волнения губами. — Будь со мной и моими близкими во все часы этого дня. Аминь.

В той стороне, в тридцати километрах от его хозяйства, на живописной реке Венте раскинулся уютный красивый городок Пилтене. Сегодня было воскресенье, и старинный костел, величественно возвышавшийся на центральной площади, увенчанный острым шпилем

с четырехконечным крестом, звал прихожан к обедне. Раньше старый Мангулис часто бывал в костеле: запрягал лошадку в дрожки и отправлялся со всем семейством в далекую, но приятную для души и для тела дорогу. Мягко катились, шурша по примятой траве, ошинованные колеса, дробно постукивали по твердой земле копыта лошадки, а сам Мангулис только и успевал делать, что здороваться по пути со знакомыми и незнакомыми людьми, с достоинством приподнимал шляпу.

С приходом же советской власти в его маленькую страну Мангулис перестал бывать в костеле, считая это занятие излишне вредным и даже опасным для спокойного существования семьи. Но молиться совсем не перестал, лишь стал более осмотрителен и старался жить уединенно на своем отдаленном хуторе, который у латышей именовался «мыза», меньше стал бывать на людях. А потом неожиданно случилась страшная война, и двоих его сыновей — шустрого Яниса и тихого Раймонда — призвали в Красную армию. И в первый же год они погибли где-то под Москвой, храбро, как и подобает настоящим латышам, отражая натиск многочисленного и жестокого врага. Беда, как известно, одна не ходит, во время фашистского авианалета в 1944 году погибла его жена Бируте Мангулис, неосмотрительно отправившаяся с мешком картошки для своих родственников в Пилтене.

Кое-как справившись с горем, седой как лунь Мангулис теперь каждую ночь в своей спальне горячо молится за единственную дочь, девятнадцатилетнюю Стасю. Стоя на коленях, со слезами на глазах старик жарко целует сухими жесткими губами маленькое распятие с сухощавым изнуренным телом Иисуса Христа, прибитого коваными гвоздями к дереву, умоляя распятого Бога,

чтобы он послал его девочке хорошего парня, любовь и достойную жизнь, наполненную, как святая чаша Грааля, вселенским добром и счастьем.

При воспоминании о дочери глаза у старика увлажнились — настолько ослабла нервная система. Он протяжно, со всхлипом вздохнул, тщательно вытер рукавом мокрые глазницы, с чувством высморкался и шагнул к последнему улью, чтобы на сегодня завершить свои дела с пасекой, но тут мимо пробежала Стася, весело размахивая оцинкованным ведром, предназначенным для дойки, и старый Мангулис отвлекся. Он всем корпусом медленно повернулся вслед дочери, провожая взглядом ее ладную фигурку, облаченную в длинную юбку из дешевенького ситца в красный цветочек, собственноручно ею перешитую из материнской, и белую блузку с длинными рукавами на резинках. Девушка высоко вскидывала острые коленки, подол ее цветастой юбки задирался, обнажая белые тонкие икры, сверкали загорелые пятки. На голове у Стаси венок, умело сплетенный из ромашек и одуванчиков с вкраплениями голубых, словно чистый лазурит, васильков. Тяжелая тугая коса из светлых волос, не ворохнувшись, лежала на спине, между мокрыми от пота лопатками, выпирающими, будто крылышки у ангела.

«Когда уже успела сплести венок? — подумал с некоторым удивлением старый Мангулис. — Только что была в доме, и на-ка тебе. Ну, ловкая... вся в мать. У той тоже в руках все спорилось».

Дождавшись, когда девушка привычно присела на корточки под пасшейся на лугу Пеструхой (так они с дочерью называли корову с белыми и рыжими пятнами) и первые струи парного молока упруго ударили в порожек

нее и оттого звонкое ведро, Мангулис неохотно отвел отцовский одобрительный взгляд от дочери, намереваясь вновь направить свои босые ноги в сторону еще не осмотренного им улья, как вдруг явственно расслышал голос кукушки, раздававшийся совсем рядом, будто к нему опять вернулся слух. Невидимая птица куковала монотонно и, как ему показалось, устало, суля ему долгую жизнь. С минуту послушав глухое «ку-ку», старик в волнении переступил босыми ногами на горячей траве и сердито сказал:

— Ну что за дурная птица. Столько мне лет насулила, что я по своим немолодым годам и не донесу, силенки уже не те. Да и поздновато мне уже в новую жизнь стремиться. Ты лучше моей любимой доченьке посули долгую и счастливую жизнь, а мне уже ни к чему.

Только он так проговорил, как кукушка и в самом деле перестала куковать, озадаченно запнулась на короткое время, а потом, как будто и вправду услышав искреннюю просьбу старика, закуковала с новой силой. Да так радостно, что слушать ее было одно удовольствие.

— Ну то-то, — сказал довольный Мангулис, с улыбкой покачал головой, потом сунул большие пальцы заскорузлых рук за резиновые помочи на груди и вновь неторопливой походкой двинулся к улью, что-то бурча под нос.

Занятый пчелиным домиком, старые доски которого пропахли душистым медом, старик не видел, как из леса вышли четверо вооруженных мужчин. Они воровато огляделись по сторонам и скорым шагом направились к девушке, все так же продолжавшей неловко сидеть на корточках под коровой, сноровисто дергая ее за тугие

дойки. Стася сидела к лесу боком и не сразу заметила появление неожиданных гостей.

— Добрый день, барышня... — негромко произнес рослый парень с автоматом шмайсер через плечо, остановившись от нее в двух шагах, и в знак уважения к девушке приподнял солдатскую кепку с козырьком немецкого кроя.

От неожиданности Стася вздрогнула, вскочила с места, чуть не опрокинув полное ведро парного молока.

— Разрешите молочка вашего отведасть? — опять проговорил рослый парень, звучно шлепнув слюнявыми толстыми губами.

Он глядел на девушку насмешливыми маленькими глазами, посаженными друг к другу очень близко, что делало его круглое щекастое лицо, густо усеянное коричневыми конопушками, похожим на мордочку хорька. Курчавые волосы у парня были огненно-рыжие, как кленовые листья по осени. У него даже из расстегнутого на широкой груди ворота немецкого кителя, у которого были предусмотрительно оторваны погоны и другие знаки различия, торчала рыжая шерсть.

Он был ненамного старше самой Стаси: лет двадцати двух-двадцати трех. Собственно, и другие парни были если не ее ровесниками, то разница в годах между ними была несущественная.

Насильно выдавив на бледном напуганном лице жалкую улыбку, девушка слабо произнесла с запинкой:

— П-пожалуйста.

К ним подошел длинный худой блондин, чем-то отдаленно похожий на рослого парня, хотя на вид и был его полной противоположностью: вытянутое незагорелое лицо с узким отвислым подбородком и тонкими

серыми брезгливыми губами, с красными, как у кроля, глазами. Парень был одет, как и его товарищи, в немецкий мундир, но тщательно застегнутый на все пуговицы, в кепке, небрежно сдвинутой от жары на потный затылок. На его щедедушной груди болтался немецкий автомат, который он то ли придерживал за длинную рукоятку магазина, то ли сам за него цепко держался левой рукой так, что побелели костяшки сухих пальцев.

Прежде чем сказать, блондин несколько раз нервно дернул правым плечом, потом ослабил, показав желтую, выпирающую вперед подковку неровных зубов.

— Дайнис, — произнес он со зловещей ухмылкой, обращаясь к своему рослому товарищу, — я бы с бо-ольшим удовольствием ее молочка отведал. Парного...

Грязный намек приятели поняли, но приняли довольно сдержанно, должно быть, долгая затворническая жизнь в глухих лесах к тому обязывала. Только девушка все равно успела заметить, как при его словах у них алчно загорелись глаза, будто при виде огромного самородка золота, и ее тотчас охватил страх, мигом парализовавший тело. А тут еще и похотливый взгляд этого Дайниса, который, по всему видно, был у них в банде главным. Но он хоть и окинул глазами ее стройную фигуру с высокой грудью, нежное личико с алыми, еще не целованными губами и трогательными ямочками на бледных щеках, явно внутренне соглашаясь со своим озабоченным приятелем, все же его скверную затею не поддержал.

— Кончай трепаться, Каспар, — приказал он, раззявив свой слюнявый рот, с неохотой отводя от девушки глаза. — Пей, чего дают.

Блондин поморщился и незаметно для главного резко сунул стволом автомата корову в подбрюшье. Пестру-

ха, которая все это время стояла, испуганно косясь вбок выпуклым глазом, от боли дернула хвостом, взбрыкнула и понеслась по лугу, грузно топая копытами по плотной земле.

Быть бы ведру с молоком перевернутым и смятым тяжелым коровьим копытом, но вовремя подсуетилась хозяйственная Стася. У нее непроизвольно сработала крестьянская скупость и требовательность к своему труду: в самую последнюю секунду она выхватила полное ведро из-под коровы.

Услышав глухой топот Пеструхи, которая никогда легкомысленно не бегала, сломя голову, по лугу, Мангулис в тревоге приподнял голову. Увидев возле дочери вооруженных людей, старик впопыхах оставил рамку возле улья и заторопился к группе незнакомцев, с волнением вглядываясь в их лица.

Он давно уже был наслышан о том, что многие латышские коллаборационисты из девятнадцатой добровольческой пехотной дивизии СС после войны ушли в леса вести партизанскую борьбу против советской власти. Они называли себя лесными братьями, нападали на предприятия и хозяйственные организации, грабили банки, сберкассы, а у крестьян изымали продукты питания, не желающих же их поддерживать латышей безжалостно убивали, сжигали хутора.

Не далее как месяц назад Мангулис собственными ушами слышал от своего старого знакомого с хутора Тобзинга господина Эхманса, который шепотом уверял, то и дело пугливо оглядываясь по сторонам, хотя они находились на открытой местности вдвоем (если не считать его лошадки), что такая банда теперь объявилась и у них в волости. «До чего довели человека, — тогда с

тоской подумал Мангулис, невольно оглянувшись следом за старым приятелем. — Коня, и того стали бояться».

А ведь с того злополучного дня он только и делал, что каждую ночь тайком от дочери молился, сколько слез напрасно пролил, умолая Всевышнего, чтобы сия чаша миновала его хутор. Но так и не смог он достучаться до Иисуса Христа (то ли сам грешен сильно, то ли Бог не пожелал до конца его выслушать), да только вот и у него на дальней мызе объявились незваные гости с оружием.

— Все отдам им, все... лишь бы дочку не тронули, — как заведенный бормотал старик, то и дело спотыкаясь на ровном месте, поспешая, пока ничего не произошло. — Пускай и Пеструху забирают себе на колбасу, пускай весь мед хоть вместе с пчелами с собой уносят... Но только Стасю пускай не трогают...

Он видел, как рыжий парень большущими ручищами обхватил ведро, легко приподнял и прямо через край принялся жадно пить: парное молоко текло по его квадратному подбородку, капало на грудь внутрь ворота, а потом густо пролилось и на серый китель. Наконец парень отнял десятилитровую емкость от лица, вытер усы о плечо и со смехом передал ведро блондину, который стоял рядом и нехорошо скалился. Тот с видимой неохотой взял ведро, сделал несколько глотков и сразу же передал его приятелю, перекошил физиономию и с отвращением выплюнул белую жижу на траву.

Третий парень при своем небольшом росте хоть и выглядел довольно сурово (имел глубокий синий шрам, наискось распахавший его некогда красивое лицо), оказался не таким брезгливым и пил непроцеженное молоко большими глотками, как видно, соскучившись по домашнему молоку, которого давно не видел. Спусти